

Возвращение на планету „Севастополь“, Новый Крым, № 37(60) 2015, <http://www.newc.info/articles/9496/> (1 окт. 2015 г.), интервью вел Алексей Васильев.

1. Татьяна Юрьевна, расскажите кратко о себе? Кто Ваши родители, почему эмигрировали?

Я родилась в 1983 в Севастополе, в семье советских инженеров. Мой отец родился по окончании Второй Мировой в Потсдаме – поскольку его отец и мой дед боролся за Берлин, был Героем Советского Союза. По окончании военного училища в Ленинграде папа служил в Черноморском флоте. Мама родилась в Туркмении в семье директора школы. В Севастополь родители и бабушка с дедушкой по материнской линии переехали в 60-х. Родители покинули севастопольские «Остряки» в начале острых и смутных 90-х, ради светлого будущего своих троих детей. С 1993 по 2012 я училась и занималась научной работой в Берлине, после защиты диссертации переехала в Цюрих, где работаю в университете.

2. Вы покинули Севастополь в десятилетнем возрасте, что Вам запомнилось из крымского детства? Ваши впечатления, когда Вы вернулись в Севастополь, уже как гость? Когда это случилось впервые?

Мне иногда кажется, мне запомнилось всё моё детство, хочу я этого или нет, – как документальный фильм. Когда внезапно теряешь то и тех, кто тебе дороги, память выходит из-под контроля. Моя крутила мне довольно часто и внезапно ролики про простор и какую-то вдруг фантастическую радость на той планете «Севастополь». В детстве я проводила время на улице, во дворе, с другими детьми – это была самая лучшая школа свободы и воспитания самостоятельности. Там же я научилась и учиться, перепрыгнув первый и четвёртый классы.

Мне очень часто хотелось вернуться, но мне казалось, что это будет тяжелейшим опытом. Очень хотела и сильно боялась, так что никуда и не ехала, в России и в Украине долго не была, и вообще одно время никуда путешествовать не хотела. Но потом в связи с работой стала понемногу ездить – сначала в Россию. И здесь я благодарна Игорю Сиду, который меня вовлекал в мероприятия Крымского геопоэтического клуба в Москве. Посетила я Крым первый раз спустя 22 года только недавно, как участница Боспорского форума современной культуры (14-18 сентября). В Севастополе я побывала перед Форумом – продолжая индивидуальные «раскопки», с которых я решила начать активное понятие того, что происходит «у вас».

На это нелёгкое путешествие по истории, пространству и чувствам меня подтолкнул украинско-российский и европейско-российский кризис, напряжение которого до сих пор каждый день ощутимо. В этом я вижу и вызов, – и буду пытаться выдержать это напряжение, становясь европейским мостом в Крым в научном и общественном плане.

Для этого восстановление личных связей, видимо, необходимо. Скажем, я избавилась от страха посмотреть в глаза тем местам, в которых заложено что-то, что даёт мне силу, и получила и внутреннее спокойствие («да, там хорошо и всё в порядке!») – сказали почти все, с кем я общалась на тему воссоединения Крыма) и творческий толчок – убеждение, что пошла по правильному пути, пусть он и неровный, как крымский асфальт...

Произошли ли изменения? Что понравилось, что нет?

Удивило в Севастополе то, что почти ничего не изменилось. Только деревья стали выше и пушистее, город явно в парикмахерскую не ходил. Дороги оказались, естественно, короче и пористей, рекламы стало больше и группы туристов встречаются чаще. Храм рядом с моей последней школой вдруг открыт. Пирожков с ливером по шесть копеек больше нет, но мороженое пломбир, эклеры и корзиночки лежат, как и лежали... Слова поэта Андрея Полякова, с которым познакомилась сейчас впервые, но словно знала его всегда, звучали эхом: „Да ты и не уезжала!“. Ну может, люди одеваются по-южному ярче, и вода сильнее отдаёт хлоркой... Мне понравились ветер и вид на Приморском бульваре, по обоим я ужасно соскучилась. Понравилось, что я дома: выпила хорошего кофе там, где раньше пила после школы томатный сок, и села в старый троллейбус, на котором ездила из школы домой. Удержалась зайти в Детский мир и купить всех игрушек, которые захочется. Удержалась звонить в двери высоток моего двора и спрашивать, пойдёт ли кто на улицу гулять... Визит в заповедник детства.

Главное ощущение: это было и есть мое место, и пока оно не превратилось во что-то другое, я сказала ему привет. Я его люблю со всеми трещинами, со всеми уже смешными советскостями, со всё тем же магазином «Приветливый» и закутанным в рекламу «Океаном мира». Это чувство личного воссоединения и обороны заложенного в этом пространстве личного смысла, пусть проект и выглядит со стороны смешным. Теперь словно что-то одновременно заканчивается и начинается. Срастание шва и безболезненное движение. Насколько это прыжок вперёд, я не знаю.

3. В Берлинском университете им. Гумбольдта Вы изучали этнологию, немецкую и русскую литературу. Много ли желающих в нынешней Германии изучать русский язык и литературу (какова тенденция – рост, спад интереса)?

Я не знаю статистики, но по сравнению со Швейцарией интерес в Германии константным потоком есть, хотя надо сказать, что он меньше, чем в 1990-ые и некоторые кафедры славистики закрыли. Всегда была и есть проблема объяснить, кем можно работать, закончив филологический факультет. Многое зависит от детей мигрантов, которым культура родителей важна, но эти волны прошли, мы выросли. Зависит и от политики

тоже, конечно – сегодняшний конфликт если и пробуждает интерес, то боюсь, не к русской литературе. А если к ней, то в ракурсе имперского дискурса. Сейчас пошла мода на украинский язык и изучение украинистики.

4. Десять лет назад Вы прошли курс польского языка и литературы в Кракове. Как специалист по этнологии, ответьте: насколько, на Ваш взгляд ученого, различны между собой русские и украинцы? Отношение современных поляков к русским и украинцам? Насколько востребована русская культура, литература в Польше?

Европейская этнология, как называлась моя специальность, – это скорее вид культурологии. Название „этнология“ неправильное, это не наука об этносах. Таковой в Германии и быть не может – после расизма 1930-ых, в котором тогдашняя этнография участвовала, и антропология тоже: измеряя черепа для оценки перво– или второсортности их носителей. Этнология – наука о культурах, именно во множественном числе, и не столько в смысле национальных культур, а скорей социальных сфер и субкультур. «Культура» – с одной стороны то, что было и что есть, но с другой стороны, подлежит изменениям. И мы от неё зависим, действуя и живя в ней, не задумываясь о ней, и мы на неё и влияем, когда мы разделяем и соединяем (наш – не наш).

Что касается отношений между поляками, украинцами и русскими, то они напряженны исторически, и эту кровавую историю сейчас каждый капитализирует в свой счёт... От нас, деятелей науки и культуры, требуется поиск общего языка и обсуждение культурных взаимосвязей трёх государств, а не унижение соседей из оборонительного инстинкта и постколониального реваншизма. Иначе клубок и в будущем не развязать.

Насколько востребована русская культура и литература в Польше, я сказать не могу.

5. Нынешний год в России указом президента России назван Годом литературы, а какова поддержка литературы, литераторов и т.п. в Германии?

Не первый взгляд поддержка есть: много объявлений, мероприятий, мелких конкурсов и грантов. Но при взгляде вблизи такое впечатление, что крупные премии для имён зачастую уже известных – поддержка, а остальное скорее игра в лотерею или заполнение времени заявлениями и самопрезентацией. Курсы часто платные, бывает и платное участие в конкурсах – так, что писатели сами оплачивают издание своих книг.

Есть ряд стипендий для переводчиков и писателей, на которые можно жить, но они не для семейных людей, как мне кажется. Я не вижу поддержки в том, что у многих немецкоязычных городков есть на несколько месяцев или на год маленькая квартира и небольшая стипендия на проживание для «городского писателя» – номадная жизнь и требование «быть гибким» препятствует семейным отношениям.

Наверное, что здесь, что там – всё зависит от произведений и от коммуникации с людьми

как автора, так и его текстов. Как только находятся люди, которым интересен текст, находится и поддержка.

Людей, которые жили бы только писательством, я встречаю редко – что в России, что в немецкоязычном пространстве. И мне кажется, что профессия помимо литературной деятельности – способствует литературе, если, конечно, не поглощает её бытовыми заботами.

б. Вы общались со своими российскими коллегами: что Вы можете сказать по поводу государственных программ по поддержке литературоведов как в Германии, так и в России? Какие плюсы, какие минусы. Чему немцам стоит поучиться у нас, а чему, в этом плане, россиянам у немцев?

Я не много знаю о жизни коллег в России. Мне она кажется сложнее, чем у нас, в бытовом плане, но в интеллектуальном она может быть и намного ярче. Такие дискуссии и обстрелы аргументами и анекдотами, как в России – пусть это будет даже в метро, в курилке или на кухне – я у нас не встречаю. В России устное общение меня впечатляет и вдохновляет, у нас дискуссии – скорее в письменном виде, в газетах и научных журналах. Может, мне пока что везло, но я ощущаю как раз большую свободу слова и готовность к обсуждению именно в России с коллегами и даже со случайными знакомыми – с библиотекарем в московской библиотеке, с таксистом в Севастополе... Возможно, это поверхностное впечатление, и те культурные репрессии, о которых у нас пишут, ощущаются, когда дольше живёшь.

Общения с российскими коллегами пока не так много, как хотелось бы, оно только начинается. Иногда я общаюсь с коллегами, которые приезжают к нам, которых приглашают выступать или проводить семинары, и которых печатают у нас. Они зачастую иллюстрируют наши представления, не колебля их. Признаюсь, мне это становится скучным; конец дискуссии – это конец университета... Установка, чтобы научиться чему-то у России и россиян – слишком редка, и это жаль. Что очевидно: стипендий для российских литературоведов здесь больше, чем наоборот. Чему у нас учиться? Чему захочется, у нас хорошие библиотеки для любых тем. Идея университета как открытого общества не умерла – на неё можно ссылаться и заводить с нами дискуссии, а не говорить нам то, что нам комфортно услышать.

О стипендиях для западных учёных в России я даже не слышала. Что касается студенческого обмена, то он нужен просто позарез. Нашим студентам он необходим, чтобы выучить язык и увидеть жизнь в России. Между Берлином (восточноберлинским Университетом Гумбольдта) и Москвой он с 1950-ых налажен был оптимально, но сейчас приходит в упадок. А с Цюрихом вообще нет ничего, студенты если едут, то по собственной инициативе. Мы очень хотели бы наладить студенческий обмен, хотя бы на курсы русского языка. Мне в Крыму пришла идея провести с нашими студентами и желающими литературоведами экскурсию в Крым, начать хотя бы с этого.

7. Издать книгу в Германии, издать книгу в России – в чем разница?

В России книгу не издавала. По сути один и тот же процесс, – только, быть может, публикацию отмечать у Вас веселее.

8. Среди прочего Вы специалист по современной русской литературе. Ваш взгляд на современную русскую литературу? Её характеристика – плюсы и минусы. Каких современных русских авторов Вы бы назвали лучшими? Какие произведения русской литературы "нулевых годов" уже стали знаковыми? Можете ли Вы назвать современных крымских авторов, на которых стоит обратить внимание читателю?

Я уже не могу объективно судить о качестве литературы, если ближе знакома с авторами – тогда их личность влияет на мое мнение, и я считаю важным не делать вид, что это не так. Чтобы анализировать литературу, лучше не знать автора лично. Так вот, Андрея Полякова из Симферополя и Наталию Азарову, которая летом живёт в Алушке, могу выделить из поэтов, а москвича Игоря Клеха из прозаиков – мне с их стихами и с ними приятно проводить время. Это сугубо субъективный выбор, открытый для пополнения с Вашей стороны и со стороны читателей.

9. Что читают немцы из русской литературы? Читают ли они современных русских авторов? Каких?

Переводят давно и успешно Виктора Ерофеева, Виктора Пелевина, Людмилу Улицкую и любят Владимира Сорокина, в особенности интеллектуальная прослойка.

Статистика недавно говорила, что самый популярный русскоязычный автор – по числам проданных экземпляров – это украинец Андрей Курков. В последнее время воспринималась с восторгом книга Кати Петровской о её киевской семье. Она написала её на немецком.

10. Есть ли у Вас желание перевести современных немецких авторов на русский язык? Будут ли они интересны русскому читателю? Каких бы вы назвали современных немецких авторов, с произведениями которых обязательно нужно познакомиться россиянам?

Я недостаточно хорошо владею русским, чтобы не него переводить художественную литературу, и недостаточно глубоко погружена в современную немецкоязычную литературу. Не говоря о том, что сейчас пишу вторую научную книгу и просто нет времени на переводы, – которые скорее делала бы с русского на немецкий.

11. Читатель немецкий и читатель русский – в чем разница?

Думаю, её нет. Люди везде люди.

12. Как газетчику, мне интересно, как в Германии живет печатная, бумажная пресса? Значительно ли снизился процент бумажных газет в Германии с развитием интернета? Каков немецкий читатель бумажных газет, возраст, интересы? Что больше всего привлекает немцев в периодической прессе и насколько они верят газетам?

Да, снизился процент бумажной прессы, но я не знаю точно, насколько. Интернетные и бумажные издания одной и той же газеты разрешают читателю пользоваться электронными медиа (при этом онлайн-версии только частично в открытом доступе; чтобы читать всю газету онлайн, нужно платить за абонемент). Можно исходить из того, что количество читателей в целом не изменилось. Буржуазная прослойка как читала, так и читает газеты и журналы, которые состоялись именно как печатные. «Жёлтая пресса» тоже по-прежнему сильна, под её влиянием целый концерн («Бильд»). Скорее верят, да. У нас же качественная журналистика, свобода слова, плюрализм мнений и все мы привыкли думать критично – по отношению к России в особенности...

13. Вы автор книги с интригующим названием «Севастопология». О чем она, почему вы решили взяться за художественную прозу? Когда эту книгу увидят и прочтут крымчане?

Книга – попытка вспомнить детство, понять себя как объекта постсоветской истории, дать самой себе голос и вернуть себе тот Крым, который люблю и любить буду независимо от того, что пишет пресса. Книга об опытах двойной миграции (из Крыма в Берлин, из Берлина в Цюрих), о потере идентичности и любви и об их поисках, о необходимости осознания культур – и о маразме, связанном с их противопоставлением друг другу; о том, как трудно говорить о многослойности, «не той принадлежности» и не-принадлежности. Текст играет с языком, возникает языковой и ситуативный юмор недоразумения – и насколько такой юмор переводим с немецкого на русский, я не представляю. Языковые сдвиги включают немецкие и русские значения, так получалось само по себе, потому что два языка начали вдруг смешиваться во мне.

То есть книга о том, что однозначности в вопросах культуры и само-восприятия не существует. Тем более, если ты однажды покинул своё «первое место». После 1991 мы все «покинули» его в той или другой мере, и мои миграции – только частный случай. Для меня «Севастопология» – якорь туда, откуда я, но и обратно. В Цюрихе я себя чувствую дома – потому что вижу в нём что-то от Севастополя. Посмотрим, обрадует ли это швейцарцев.

Насколько книга была бы интересна крымчанам, не мне судить. Может такие воспоминания-осмысления им покажутся занудными? Или ей вообще не время, а люди

жаждут как раз однозначной идентичности? Позиция неясная, жанр не развлекательный, язык нелегко переводим, жанр вообще трудно определить. Это скорее то, что в искусстве называется автопортретом. Импрессионизм, экспрессионизм и помимо поисков аутентичности – некий постмодернизм, без которого на мой взгляд не обойтись, во избежание чёрно-белого мышления. Рефлексии о Своем и Чужом – вечная тема этнологов-культуроведов. Мне нужен был свободный стиль, поэтому я отошла от строго научного. Там проскальзывают и идеи из научных контекстов и поэтические отблески, и в этом смысле эта книга, возможно – эссе. Как её воспримут, я ещё не знаю, она выходит в продажу 28 сентября в Берлинском издательстве *Fototapeta*. Эксперимент! На русском есть отрывок, переведённый Татьяной Набатниковой. Она охотно переведёт и весь текст.

14. В сентябре вы стали участницей VI Боспорского форума современной культуры в Симферополе и Керчи. Каковы ваши впечатления? Как вам крымские зрители-слушатели-читатели? Что-то дало вам посещение этого форума в профессиональном развитии? Намерены ли вы посетить VII Боспорский форум?

Мне было бы и приятным, и полезным дальнейшее общение с авторами, с которыми познакомилась на Форуме, в том числе с поэтом и организатором фестиваля поэзии на Байкале Андреем Сизых, с профессором-филологом Александром Кораблёвым из Донецка и со многими другими. А также – развивать контакты с российским Институтом перевода, благодаря которому состоялся Боспорский форум в этом году. Одним из перспективных проектов было бы перевести на немецкий язык русского поэта-авангардиста и путешественника Сергея Третьякова (1892-1937). Его «литература факта» может стать нам примером, как осваивать культурное пространство, погружаясь в него как журналист, этнолог, литератор.

Буду делать семинар в Цюрихе про «литературный Крым», и хочу написать этнографию меняющегося, сегодняшнего Крыма. На VII Боспорской форум хочу привезти швейцарскую подругу-поэтессу, которая изучала русский язык и историю России.

Было бы правильно Боспорской форум, согласно его традиции дискуссий по "тавриологии" (геопоэтике Крымского полуострова), в следующий раз специально посвятить истории и перспективам и концепциям Крыма, чтобы сопровождать полуостров в поисках новых имиджей идентичностей.